

Когда я доехал на велосипеде до подножия горы Баоши, небо только начало светлеть. Западное озеро вдалеке еще тонуло в бледно-голубом тумане, словно укутанное тонкой вуалью. Шэнь Чжися остановился и достал из корзины два складных стульчика — он взял их специально, говоря, что камни на вершине слишком холодные и сидеть на них неудобно.

— Дальше нужно будет немного подняться пешком, подъем не крутой, доберемся минут за десять, — сказал он, убирая стульчики в рюкзак, и протянул мне бутылку с теплой водой. — На горе дует ветер, после рассвета станет прохладно, выпей немного, чтобы согреться.

Я взял бутылку. Кончики моих пальцев ощутили тепло стекла, и на душе стало теплее. Идя следом за ним по тропе, я понял, что он выбрал действительно уединенный путь: по обе стороны росли низкие деревья, на ветвях и листьях еще блестела утренняя роса, которая то и дело задевала штанины, оставляя влажные следы. Шэнь Чжися шел впереди и время от времени оборачивался, предупреждая: Тут камень, осторожно, скользко. Его голос казался особенно четким в тишине горной тропы.

Когда мы добрались до вершины, было ровно пять пятьдесят. Шэнь Чжися привычно разложил стульчики в месте, откуда открывался вид на все Западное озеро. Сев, я понял, что обзор здесь даже лучше, чем я себе представлял: вдали, в тумане, высилась пагода Лэйфэн, а по глади озера изредка проплывали ранние прогулочные лодки, оставляя за собой едва заметный след на воде.

— Подождем еще пару минут, и покажется солнце, — Шэнь Чжися сел рядом и достал из рюкзака альбом для набросков. Он слегка постукивал кончиком карандаша по бумаге, словно чего-то ожидая. Я повернул голову: утренний свет медленно ложился на его профиль, окрашивая ресницы в золотистый цвет, и даже пушистые волоски на концах прядей начали светиться.

Минут через пять горизонт вдалеке внезапно посветлел. Сначала он окрасился в бледно-оранжевый, затем медленно сменился теплым красным, и, наконец, из-за облаков показался первый золотистый луч, в мгновение ока превратив озеро в расплавленное золото. Я невольно затаил дыхание, наблюдая, как солнце поднимается все выше. Туман постепенно рассеивался, очертания Западного озера становились яснее, и даже ивы на берегу будто покрылись тонким слоем сияния.

— Красиво, правда? — голос Шэнь Чжися раздался совсем рядом. Его карандаш уже начал выводить линии на бумаге. — Я нашел это место прошлой осенью. Тогда как раз цвел османтус, и в воздухе стоял его аромат — было даже красивее, чем сейчас.

Я кивнул, не отрывая взгляда от озера:

— Намного красивее, чем на фотографиях. Раньше я думал, что в рассветах нет ничего особенного, но сегодня понял... что это так захватывает дух.

Он перестал рисовать и повернулся ко мне, его глаза отражали утренний свет:

— Многие вещи нужно увидеть своими глазами, чтобы понять. Как и Западное озеро: в дождливый день у него своя мягкость, в солнечный — своя яркость, а рассвет дарит совсем иное, теплое чувство. — Он помолчал и протянул мне альбом. — Набросал пока основное, когда вернусь, детализирую, а в следующий раз покажу тебе.

На рисунке солнце только наполовину выглянуло из-за горизонта, поверхность озера искрилась золотом, а рядом сидели две маленькие фигурки: одна любовалась рассветом, другая — рисовала. Глядя на них, я вдруг почувствовал, как сердце наполнилось нежностью, и не удержался:

— Шэнь Чжися, если будет возможность, я хотел бы увидеть Западное озеро в других его обликах вместе с тобой.

Он на мгновение замер, а потом улыбнулся, и свет в его глазах стал ярче утреннего солнца:

— Хорошо. Весной я покажу тебе персиковые деревья на дамбе Суды, зимой — снег на Мосту сломанной печати, а еще османтус осенью... я все тебе покажу.

Ветер пронесся по вершине горы, принес аромат трав и деревьев. Я смотрел на его профиль, на то, как сосредоточенно он рисует, слушал шорох карандаша по бумаге и вдруг подумал, что это субботнее утро запомнится мне на очень, очень долгое время.

<http://bllate.org/book/21838/2263485>